Лука Данилович

А да жил-де Данило да сын Борисович,
А ле жил он, Данило, да, право, о море.
В воскресенье Христово было поутру,
А ставал-де Данило поутру рано,
Он омылса, Данило, ключевой водой,
Утиралса Данило полотенышком.
Розбудил он своих людей дворовыих,
А дворовыих домочадцей он робочих,
А сказал им Данило таково слово:
«Я пойду-де как нонь да в черков божию,
Я ко утрене нынь да воскресеньскоей —
Розбудите вы моего чада милого,
А того-де Луку сына Даниловича, —
Он придёт пусь к обедни да воскресеньскоей».
А ушёл-де Данило да сын Борисович,
А прошло после время как три часа,
Розбудили Луку они Даниловича:
«Кабы твой-от-де батюшко родитель-де,
А родитель Данило сын Борисович,
Он велел тебе притти да в церков божию».
А омылса Лука да он свежой водой,
Он утёрса-де белым полотенышком,
Он срежалса-де в платьичи хорошоё,
А пошёл-де Лука да вон на уличу,
Он придумал, детина, молодым умом:
«Я схожу кабы в поли за охотою».
Кабы взял он, Лука, да, право, тугой лук,
А бы взял он тут стрелочки каленыи,
А пошёл он-де к летным-де тихим заводям,
Он стрелял-де гусей там, белых лебедей.
Уж он вышол, Лука, на морски луга,
Позадорился Лука да за охотою —
Нагонило-де воду да из синя моря,
Поняла-де Луку, право, морьска вода,
Кабы бродит он, Лука, да до колен воды,

Пролились кабы все да малы заводи.
А ле вытти-де Луки да ныньци непокуль,
Кабы непокуль-де вытти, право, на землю.
Кабы бродит он, Лука, ’ воды до пояса —
Поднесло-де Луки гнилу колодину,
А колодину гнилу да водоплавную.
Потянул кабы ветер нынь со города —
Понесло ныньце Луку да во синё морё,
Подхватил-де Луку, право, быстёр субой,
А быстёр бы субой да, право, вал густой:
А едва ле так Лука да нынь спасаетца.
Понесло-де Луку до во синё морё.
Как носило Луку да вного времени,
Много времени носило его по морю,
Поднесло-де его до ныньце под горы,
Как под щельи-де те непроходимыи —
А ле вытти Луки на землю непокуль,
Убиват-де валом его, захватыват:
А едва-де Лука да он спасаетсе.
А увидел Лука да сын Данилович —
А змея-де ныньце тут над ним налетыват,
А летат-де змея да, право, лютая,
А к Луки эта змея да приближаитце,
Будто руськи слова да выговариват:
«А светы отцы писали-прописалисе,
Старики-то-де сказали-просказалисе,
Будто мне от Луки да, право, смерть принеть.
А топере Лука да у миня в руках:
Уж я здумаю — Луку да в хобота возьму,
Уж я здумаю — Луку да на воды стоплю!»
Уж змолилса Лука да змеи лютоей:
«Уж ты ой еси, змея да скоропейная!
Уж ты вынеси миня да на сыру землю,
Кабы вного я принял, право, холоду,
А ле вного я принял, право, голоду!»
Говорит-то змея да, право, лютая:
«А возьмёшь ле миня да ты в замужество?
А возьмёшь-де миня да ты в замужество —
Але вынесу тибя я на сыру землю!»

Уж Луки-то-де деватсе ныньце некуда,
Уж он отдал от себя рукописаньицо:
«А возьму-де тебя я за себя замуж».
Забрала его змея да ’ свои хоботы,
Понесла-де ёна да, право, на гору,
Опустила Луку да она на землю,
Говорит-то змея да таково слово:
«Сотворим-ко со мной любовь телесную,
А телечню любовь да восердецьную».
Говорит-де Лука да сын Данилович:
«Я с тово-де с устатку со великого
Не могу нынь творить любовь телесную,
Отдохнуть-де хочу да со устаточку».
Как легли они-де нынь да, право, на землю,
Как прижарило их да красным солнышком —
Будто заспал Лука да сын Данилович.
А змея же легла да потвориласе,
А нашла на ей тягость тут великая.
Призывал-де Лука да он ведь всех светых,
От змеи-де штобы ему избавитце.
А ле стал-де Лука да потишешинько,
Потишешинько он стал да на резвы ноги,
Он схватил кабы камень да со сырой земли,
Он ударил змею да камнем в голову,
Он росшиб, розломал голову ведь до мозга —
Как исчас тут-де дьявол, право, до смерти.
А пошёл-де Лука да, право, прочь оттуль.
Он уж близко ле шёл, ноньце далеко ле,
Он нашёл-то-де нынь на скотских пастухов,
Пастухи-де ведь ходят ныньце валов пасут.
Говорит-де Лука да сын Данилович:
«Уже здравствуйте-де нынь да, право, пастухи!
Вы каково царя, каково хозяина?»
А один-де из их да тут толмач же был,
Он толмач-де был, да нынь умел говорить:
«Уж мы пастухи ле нонь, право, Салтановы,
А Салтана, короля, право, турецково».
Говорит-то Лука да сын Данилович:
«А далёко ле-де нынь, право, до города?»

Говорят-де Луки да эти пастухи:
«А до города-де только петь нынь поприщей».
Говорит-де Лука да сын Данилович:
«Я могу ле натти, право, ваш город?»
Говорят пастухи эти Салтановы:
«А одна-де дорога нонь до города».
Говорит-то Лука да таково слово:
«Уж я как подотти могу к палатам нонь,
А к палатам подотти ныньце царски[и]м?»
Говорят-де эти Луки пастухи:
«Подходить ты как станёшь ноньце к городу,
Ты заткни у себя да полу левую —
А сочтят-де тебя да заблудящиим.
Ты зайди-де в сады ихны зеленые,
Ты срывай-де ведь всяки, право, яблуки».
Вот пошёл, пошёл Лука от их, отправилса,
Он дошёл-де как близко нонь до городу,
Он пошёл-де в сады да во зеленыи,
Он заткнул-де полу да у ся левую.
Уж завидели его, да добра молодца, —
Кабы яблуки он ес да наслаждаитсе, —
Донесли нонь Салтану нонь турецкому.
Кабы вывели оттуль да добра молодца,
Завели его ’ палаты нынь во царские.
Как царя-то ведь в то время не случилосе —
Енна Марьюшка дочи нынь Салтановна,
А ле стала она его допрашивать:
«Ты откуль-де, какой да доброй молодец?»
Говорит-де Лука да таково слово:
«Я из той-де земли, право, из Руськоей,
А из Руськоей земли из Светоруськоей,
А зовут меня Лука да сын Данилович,
Уж носило миня да, право, по морю,
Кабы по морю носило вного времени,
Не пиваючись-де я, да не едаючись».
Говорит кабы да Марьюшка Салтановна:
«А бывat, молодец, да ты покушать хошь?»
Говорит-то Лука да таково слово:
«Не пивал я, не едал да нынь десятой день».

Говорит-то-де Марьюшка Салтановна:
«Уж вы ой еси, мои, право, куфароцьки!
Вы несите-ко молодцу, право, покушати,
Кабы разных переваров, да нынь кушаньев».
А куфарки-де скоро да не ослышались —
Наносили-де скоро они кушаньев.
А ле стал молодец да он покушивать,
А ле пил он, ел, да ноньце кушал же —
Забрала его ведь тягость тут великая.
Говорит-то бы Марьюшка Салтановна:
«А со скуки, молодеч, да отдохнуть не хошь?»
Прилюбилсе-де удалой доброй молодеч
Кабы Марьюшки — Лука да сын Данилович —
Повалила его, молоцца, на кроватоцьку.

(Они тут засеели Олешу Полуверенина: Марьюшка была из неверных, потому и был у них «Полуверенин».)

(Зап. Ончуковым Н. Е.: апр. — май 1902 г., с. Усть-Цильма Печорского у. — от Дуркина Димитрия Карповича, 40—45 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.